

УДК 94(47).084.9

МОЛОДОВ Олег Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Москва). Автор 168 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, одного учебного пособия

ЗАКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР в 1950–1980-е годы

Статья посвящена проблеме правового регулирования снятия с регистрации религиозных объединений в СССР и практике закрытия православных приходов на Европейском Севере СССР в 1950–1980-е годы. В годы государственного атеизма политика властей была направлена на искоренение религиозных верований. Важной задачей в деятельности местных органов власти и атеистической общественности являлось постепенное сокращение количества действующих приходов. Для этого наряду с законными механизмами закрытия церквей на практике применялись произвольные основания ликвидации общин верующих. В статье описываются различные способы воздействия на духовенство и верующих с целью ослабления материального положения и кадрового обеспечения православных приходов. Наряду с открытой атеистической пропагандой, сопровождавшейся тотальным контролем религиозной жизни населения, властями применялись особые методы, затрагивающие финансовую деятельность религиозных объединений (регулирование цен на предметы культа, высокие налоги, сборы в патриотические фонды). Северный регион отличался незначительным числом действующих приходов и большими расстояниями между ними, поэтому закрытие каждого из них лишало возможности верующих, проживающих на прилегающих территориях, регулярно посещать богослужения. Как показывает исследование (автор использует материалы государственных и церковных архивов Архангельской и Вологодской областей), религиозным общинам часто предоставляли церкви, расположенные в удаленной местности, а в Архангельской области – деревянные сооружения. Эти обстоятельства крайне затрудняли сохранение храмовых зданий и действующих приходов. Кроме того, в северной деревне сложились объективные демографические предпосылки сокращения воспроизводства традиционных религиозных убеждений, что также приводило к затуханию приходской жизни.

Ключевые слова: Русская православная церковь, приходская жизнь, православный приход, религиозная община, религиозное объединение, правовое регулирование.

Важную роль в сфере вероисповедной политики государства играет регламентация предоставления религиозным общинам зданий и со-

оружений для проведения культовых мероприятий. Некоторое потепление отношений государства и Русской православной церкви (РПЦ)

привело в 1944–1948 годах к массовому открытию ранее закрытых храмов и регистрации религиозных общин.

Приход в церковном праве рассматривается как «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника-настоятеля» [1, с. 13]. Советские исследователи понимали под приходом «низшую церковно-административную единицу, <...> имеющую церковь с причтом и общину верующих» [2, с. 397]. В изучаемый период приходы в каноническом смысле этого понятия отсутствовали. Во-первых, они представляли собой организации, в которых «есть священнослужители и религиозные активисты, обычно занимающие соответствующие должности (постоянная основа прихода), и прихожане, практически не связанные друг с другом» [3, с. 36]. Во-вторых, отсутствовали его территориальные границы. Поэтому понятие «приход» здесь используется в определенной степени условно.

Число верующих, ходатайствующих о регистрации православного объединения и предоставлении молитвенного здания, должно было насчитывать не менее 20 единоверцев, отчего приходское собрание получило в обиходе название «двадцатка». Положение о порядке открытия церковью, утвержденное постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 года № 1325, регламентировало процедуру открытия приходов и предоставления верующим церковного здания¹.

Следует отметить, что понятия «закрытие молитвенного здания» и «снятие с регистрации религиозного объединения» в советском законодательстве были взаимосвязаны, но не тождественны. Различны и правовые последствия данных мероприятий. Снятие с регистрации

религиозного объединения (обычно именуемое «закрытием прихода») влекло за собой не только прекращение богослужений и совершения обрядов в храме, но и возвращение молитвенного здания государству. Закрытие молитвенного сооружения могло произойти при наличии действующей общины верующих, у которой была возможность ходатайствовать о предоставлении ей другого помещения для проведения культовых мероприятий.

Правовой режим молитвенных зданий закреплялся в двух документах:

– постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», действовавшем в последние годы с изменениями и дополнениями, внесенными указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года (далее – Постановление)²;

– инструкции по применению законодательства о культурах, утвержденной постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам русской православной церкви (СДРПЦ) при Совете Министров СССР 16 марта 1961 года (далее – Инструкция)³.

В указанных нормативных актах единственным основанием для снятия с регистрации религиозной общины являлось нарушение советского законодательства о культурах (ст. 24 Инструкции, ст. 43 Постановления). Однако в Инструкции и Постановлении отсутствует однозначная трактовка самой процедуры закрытия. Ст. 24 Инструкции указывает, что снятие с регистрации религиозного объединения производится по решениям исполкомов Советов депутатов трудящихся (в нашем случае – областных), согласованным с СДРПЦ (с 1965 года – с Советом по делам религий). Ст. 43 Постановления (в редакции 1975 года) гласит, что закрытие осуществляется Советом по делам религий при Совете Министров СССР по представлению областного Совета депутатов трудящихся. Таким образом,

¹ ГАО (Гос. арх. Арханг. обл.). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 89–90 об.

² Там же. Ф. 1948. Оп. 3. Д. 916. Л. 37–51.

³ Там же. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 72–81.

изменения коснулись только степени влияния областных советских органов власти, но сама процедура сохранилась неизменной.

Основанием для закрытия храма было его аварийное состояние, если здание «в силу своей ветхости угрожает полностью или частично обвалом» (ст. 46 Постановления). В данном случае до осмотра здания технической комиссией исполком районного, городского или сельского Совета депутатов трудящихся имел возможность приостановить проведение в нем богослужений и собраний верующих (ст. 45, 50 Постановления).

Техническая комиссия, в которой кроме специалистов подразумевалось участие представителя религиозного объединения, составляла акт обследования и давала письменное заключение о наличии угрозы обвала, а также возможности проведения восстановительного ремонта здания или целесообразности его сноса. Данное заключение являлось обязательным и подлежащим исполнению (ст. 48–50 Постановления).

Особенностью изучаемого периода истории государственно-церковных отношений в СССР является то, что все культовые сооружения находились в собственности государства в лице местных Советов депутатов трудящихся и передавались официально зарегистрированным религиозным общинам в бесплатное пользование по договору (ст. 27–32 Постановления). Отказ верующих от производства указанного в акте обследования ремонта означал расторжение договора о пользовании церковным зданием и культовым имуществом. Решение о прекращении договорных отношений принимал Совет по делам религий по представлению местных органов власти (ст. 51 Постановления). Аналогичный порядок расторжения договора действовал в случае признания молитвенного здания подлежащим сносу (ст. 52 Постановления).

Закрытие храма обычно предшествовали различные юридические факты и обстоятельства.

Инициатива общины верующих. В некоторых случаях сама община верующих не имела возможности содержать храм или восстанавливать его, например после пожара. Тогда договор расторгался по инициативе «двадцатки». Так произошло в 1977 году в с. Прилуки Онежского района. После пожара деревянной церкви Рождества Христова, вызванного попаданием в нее шаровой молнии, верующие направили заявление об отказе от аренды здания. Власти поддержали полезную для них инициативу «самоликвидации» прихода и направили соответствующие документы в Совет по делам религий⁴, решением которого от 4 января 1979 года данное религиозное общество было снято с регистрации⁵.

Постепенно угасла православная община Никольской церкви в с. Юрьев-Наволоок Красноборского района. Отсутствие священника и богослужений с июня 1980 года по ноябрь 1981 года послужило поводом для заявления верующих, в котором они просили «принять от них здание церкви и имущество, и снять с учета действующих религиозное объединение, так как содержать храм и священника они не могут»⁶.

Расположение храма. С 1950 по 1988 год на территории Вологодской епархии действовало 17 приходов, хотя попытки закрыть храмы властями по-прежнему предпринимались. Одним из оснований для этого служила близость церковного здания к образовательным и лечебным учреждениям. Считалось, что колокольный звон в храмах «мешает учащимся сосредоточиться», а больным – лечиться. Подразумевалось, что все церкви находятся в антисанитарном состоянии и тем самым угрожают находящимся рядом учреждениям. В докладе секретаря Вологодского обкома КПСС В.И. Другова в 1964 году звучало предложение – с помощью общественности подготовить условия для закрытия церквей: Прокопьевской церкви в г. Великий Устюг, находящейся рядом с госпиталем инвалидов и детской спортивной

⁴ГААО. Ф. 1948. Оп. 3. Д. 196. Л. 55–59.

⁵Там же. Д. 203. Л. 13.

⁶Там же. Д. 223. Л. 23.

школой, Николо-Ламанской церкви в Вологодском районе, расположенной рядом с начальной школой⁷. В этом же году с великоустюгской общиной верующих власти совершили обмен, предоставив ей вместо Прокопьевского собора в центре города небольшую Стефановскую церковь на кладбище в районе «Горы» – части города, расположенной на высоком холме⁸. Формально права верующих не нарушались, но обмен был неравнозначным, он создал неудобства престарелым людям по пути в храм. Значительно сократилась и площадь молитвенного помещения.

Кроме того, областными властями с целью минимизации влияния городских храмов принимались постановления, направленные на ограничение колокольного звона, например в Вологде и Устюжне⁹, или о его полном запрещении на всей территории Архангельской епархии [4].

В 1960–1961 годах предпринимались попытки закрыть Введенскую церковь в г. Сольвычегодске Архангельской области, поскольку она располагалась на территории курорта в 20 м от лечебного корпуса, что «с санитарной точки зрения является совершенно недопустимым». Об этом указывалось в письме начальника Комплексной курортологической экспедиции Центрального института курортологии и физиотерапии Минздрава РСФСР от 12 декабря 1960 года. Уполномоченный СДРПЦ по Архангельской области П.Я. Сазонов поддержал инициативу медицинских работников и даже согласовал вопрос о грядущем закрытии церкви с архиепископом Никандром (Викторовым)¹⁰. Однако в 1956–1960 годах данная община имела стабильный доход от 14 до 18 тыс. р. в год (в пореформенном исчислении),

а в храме ежегодно крестились 300–400 чел. Не имея законных оснований для снятия прихода с регистрации, СДРПЦ в ходатайстве отказал, поскольку «община активная, имеет значительные доходы, количество совершаемых религиозных треб из года в год возрастает»¹¹.

Еще одним основанием для закрытия церкви могло послужить состояние ее пожарной безопасности. Такая попытка имела место в отношении Успенской церкви г. Вельска Архангельской области. На основании постановления начальника районной инспекции Госпожнадзора по причине отсутствия пожарного водоема и запасного выхода 30 июня 1960 года церковь решили закрыть¹². Богослужения в церкви возобновились только в августе, после того как выкопали пруд на 40 м³, но с условием расширить его вместимость до 100 м³ в течение 6–8 месяцев¹³.

По той же причине власти (от лица Управления пожарной охраны УВД Архангельской области) хотели закрыть Пятницкую церковь г. Каргополя, а общину перевести в другой храм, подальше от центра города¹⁴. Судя по архивным документам, данная попытка не увенчалась успехом.

Аварийное состояние храма. Опасения за жизнь и здоровье верующих, а также сохранность ценного культового имущества не являлись безосновательными. В вербную субботу 1959 года возник крупный пожар в кафедральном соборе г. Вологды, повлекший человеческие жертвы¹⁵.

После пожара «от неисправности дымохода» на основании решения Архангельского облисполкома от 24 февраля 1960 года № 157 прекратил свое существование приход Преображенской

⁷ВОАНПИ (Вологод. обл. арх. новейш. полит. истории). Ф. 2522. Оп. 62. Д. 99. Л. 120–121.

⁸Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1964 г. С. 4–6.

⁹ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 1300. Оп. 21. Д. 101. Л. 104; Д. 255. Л. 67.

¹⁰ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 163–164.

¹¹Там же. Л. 168.

¹²Там же. Д. 94. Л. 68.

¹³Там же. Д. 95. Л. 76.

¹⁴Там же. Д. 100. Л. 55–57.

¹⁵Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1960 г. С. 2.

Чакульской церкви в Рябовском сельском совете. Основными причинами снятия с регистрации данной религиозной общины указывались отсутствие священника и аварийное состояние церковного здания¹⁶. «Церковное здание в период эксплуатации не ремонтировалось, пришло в ветхое состояние, потолки и стены грозят обвалом», – отмечалось в постановлении облисполкома о расторжении типового договора с общиной¹⁷. В мае 1961 года верующие попытались открыть ее вновь, а составленное ими заявление было заверено 241 подписью (при необходимом минимуме в 20). Однако благодаря действиям местных властей были выявлены нарушения – фальсификации подписей за умерших и иных лиц, которые не расписывались и никому не доверяли свое право подписи. В результате заявление было признано недействительным¹⁸.

С закрытием Кивокурско-Ильинской церкви в Верхнетоемском районе Архангельской области связаны драматические события. Как и в предыдущем случае, актами технической комиссии от 25 декабря 1961 года и 16 июня 1962 года церковь была признана аварийной и требующей «полного качественного ремонта»¹⁹. На период проведения ремонта районные и областные власти решили приостановить богослужения, но и после окончания восстановительных работ церковная служба не возобновилась. Характерными для изучаемого периода были препятствия, чинимые торговыми организациями, которые под давлением властей отказывались продавать общине стройматериалы²⁰. В результате повторная комиссия

признала низким качество ремонта, а райком КПСС и райисполком стали ходатайствовать о закрытии аварийной церкви. В областной газете появился фельетон антирелигиозной направленности [5]. Верующие в свою очередь собирали подписи о возобновлении богослужений, встречались с уполномоченным Совета по делам РПЦ П.Я. Сазоновым, обращались к председателю СДРПЦ В.А. Куроедову и председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину (в 1966 и в 1969 году), но безрезультатно²¹. С 1964 года данная православная община была снята с регистрации, а храм оборудовали под складское помещение²².

Распад общины верующих. Православная община Воскресенской церкви с. Ямское Котласского района Архангельской области также просуществовала недолго. Причинами затухания религиозной жизни были бедность прихода и отсутствие жилья для священнослужителя. В апреле–мае 1962 года настоятель церкви иеромонах Варнава (Улитин) неоднократно обращался к архиерею с просьбой о переводе: «Положение мое личное на приходе катастрофическое – живу в бедной грязной избе. <...> Ни о каком улучшении в отношении жилья речи быть не может»²³. В 1965 году доход данного прихода насчитывал 500 р. в год и в храме было совершено одно крещение. Из числа «двадцатки» осталось всего 7 чел. 27 октября 1965 года религиозную общину с. Ямское сняли с регистрации «как прекратившую деятельность»²⁴.

В конце 1950-х годов на территории Вельского района Архангельской области существовала православная община Никольской церкви

¹⁶ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 94. Л. 16–18, 32, 77.

¹⁷Там же. Л. 32.

¹⁸Там же. Д. 103. Л. 4–14.

¹⁹Там же. Д. 102. Л. 2, 3.

²⁰Там же. Д. 127. Л. 13 об.

²¹Там же. Л. 13–14, 20–21; Д. 142. Л. 1.

²²Там же. Д. 102. Л. 23–24; Д. 125. Л. 29.

²³Текущий архив Архангельского епархиального управления. Ф. 5. Оп. 2. Д. 7. Л. б/н.

²⁴ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 119. Л. 51; Д. 125. Л. 3.

в д. Юхнёво Пуйского сельского совета. В декабре 1959 года после перевода священника по его личной просьбе на другой приход, в основном по материальным соображениям, богослужения в храме прекратились. В 1960 году от общины верующих осталось 7 чел., а ходатайство архиерею о предоставлении нового священника подписали только 4. С учетом данных обстоятельств на заседании СДРПЦ от 10 октября 1961 года было одобрено решение Архангельского облисполкома о снятии православной общины с регистрации «как пришедшей к упадку»²⁵. В переписке, имеющейся в архивных материалах, содержалась просьба о передаче церковного здания под интернат Юхнёвской восьмилетней школы, но облисполком решил отдать его колхозу «Организатор» для размещения склада²⁶.

В течение 1945–1955 годов действовала Ильинская церковь в Мондинском сельсовете Онежского района Архангельской области. Направляемые туда священники самовольно покидали приход «ввиду малой доходности», и с 1956 года богослужения в храме прекратились. Верующие данного прихода особой активности не проявляли, поэтому по ходатайству областного уполномоченного П.Я. Сазонова СДРПЦ снял данную общину с регистрации, о чем уведомил местные власти 20 октября 1960 года²⁷.

Решением Совета по делам РПЦ от 10 июня 1964 года сразу два религиозных объединения Архангельской области – в с. Нёнокса Северодвинского горсовета и с. Луда Приморского района – были сняты с регистрации «как прекратившие свою деятельность»²⁸. Более подробной информации об этих православных общинах в архивных материалах нами не обнаружено.

Произвольные основания. В 1948 году на территории Вологодской епархии действовало

19 православных приходов. В 1949 году два из них – Покровская церковь в с. Анхимово Вытегорского района и церковь преподобного Игнатия в с. Спас-Лом Мяксинского района – временно закрылись. Причиной этого послужила необходимость «дооформления их как памятников архитектуры» – в данном случае требовалось переоформить договоры с религиозными общинами. Но в феврале 1950 года уполномоченный СДРПЦ по Вологодской области И.М. Игнатов заявил епископу Гавриилу (Огородникову), что оба храма «следует считать окончательно закрытыми по распоряжению Совета по делам РПЦ»²⁹. В 1964 году, находясь под охраной государства как архитектурный памятник, Покровская церковь полностью сгорела³⁰.

Результатом антирелигиозной политики государства стало закрытие с 1960 по 1987 год 10 из 25 архангельских церквей. В целом на территории Архангельской и Вологодской областей к 1988 году сохранилось 32 православных прихода. Начало нового этапа государственно-церковных отношений в СССР было ознаменовано массовой регистрацией религиозных объединений и возвратом Церкви ранее закрытых храмов. Только за 1988–1989 годы на территории указанных областей зарегистрировано 11 православных общин и передано верующим 9 молитвенных зданий.

Основываясь на вышеизложенном материале, можно отметить следующее.

Во-первых, особенностью северных епархий РПЦ является то, что количество приходов, закрытых в изучаемый период, было относительно небольшим. Стабильное количество действующих на территории Вологодской области в 1950–1988 годах храмов можно назвать уникальным явлением, поскольку в отдельных

²⁵ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 101. Л. 1, 3.

²⁶Там же. Л. 12, 21.

²⁷Там же. Д. 94. Л. 90.

²⁸Там же. Д. 116. Л. 18–19.

²⁹Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1953 г. С. 3.

³⁰ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 373. Л. 52–55.

епархиях число закрытых в 1960–1964 годах приходов было весьма значительным. Соседняя Кировская область в эти годы лишилась 40 церквей из 75, а Московская – более половины приходов [6, с. 154].

Во-вторых, динамика снятия религиозных общин с регистрации показывает, что основная доля закрытых храмов (в Архангельской области – две трети) приходится на 1958–1964 годы, ознаменованные «последней атакой на РПЦ», на период руководства страной Н.С. Хрущёва.

В-третьих, во второй половине 1940-х годов власти, на наш взгляд, целенаправленно предоставляли верующим приходы в удаленной местности, а также – деревянные церковные сооружения (в Архангельской области в 1962 году – 7)³¹. Кроме того, закрытие приходов в относительно стабильные 80-е имело и объективные предпосылки демографического характера: резкое сокращение сельского населения «в глубинке», уход из жизни религиозных активистов, слабое воспроизводство верований среди лиц среднего возраста и молодежи.

Расположение храмов вдалеке от основных транспортных путей приводило к их низкой посещаемости, сокращению доходов, а в результате – к невозможности содержать священника и церковное здание. В итоге снятыми с регистрации оказались только сельские приходы. Несмотря на аналогичные мероприятия, организуемые городскими властями, ни один храм в областных и районных центрах Русского Севера в эти годы закрыть не удалось.

В-четвертых, распад религиозных общин тщательно готовился местными партийными и государственными чиновниками. Самый короткий путь к закрытию одноклирного сельского прихода заключался в создании условий для ухода священника. В ситуации кадрового голода заполнить вакансию обычно не удавалось в течение нескольких месяцев и даже лет, что приводило к постепенному затуханию приходской жизни. Для духовенства властями создавались «особые» условия жизни: повседневный контроль культовой деятельности и личной жизни, запрет появляться на улице в рясе, иногда отсутствие жилья или освещения в доме [7, с. 258]. Значительную роль в осуществлении антирелигиозной политики на местах играли областные уполномоченные Совета по делам религий (ранее – СДРПЦ) и районные комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах.

Механизмы финансового ослабления северных приходов, используемые властями, включали снижение цен на предметы культа (особенно свечи), а в 70–80-е – «добровольно-принудительные» перечисления средств в «Фонд мира», «Фонд охраны памятников истории и культуры», иные патриотические фонды. Однако, несмотря на определенные успехи в борьбе с религией, наглядно отражаемые в динамике закрытия храмов и сокращения открытых проявлений религиозности населения, партийно-государственному аппарату не удалось искоренить многовековые православные традиции жителей Русского Севера.

Список литературы

1. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной российской церкви. 1917–1918. М., 1918. Вып. 3. 68 с.
2. Атеистический словарь / под общ. ред. М.П. Новикова. М., 1983. 559 с.
3. *Лупарев Г.П.* Понятие и виды религиозных организаций в СССР // Сов. гос-во и право. 1991. № 5. С. 35–42.
4. *Молодов О.Б.* О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950–1980-е гг. // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2012. Т. 1, № 3(40). С. 18–21.
5. *Энтин А.* Трещина // Правда Севера. 1962. 1 февр.
6. Православная энциклопедия: Русская православная церковь / под ред. Патриарха Москов. и всея Руси Алексия II. М., 2000. 656 с.

³¹ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 106. Л. 6.

ИСТОРИЯ

7. Эдельштейн Г. Из записок советского священника // На пути к свободе совести / сост. Д.Е. Фурман и о. Марк (Смирнов). М., 1989. С. 252–262.

References

1. *Sobranie opredeleniy i postanovleniy Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi. 1917–1918* [Collection of Rulings and Orders of the Holy Council of the Russian Orthodox Church. 1917–1918]. Moscow, 1918. Iss. 3. 68 p.
2. *Ateisticheskiy slovar'* [Atheistic Dictionary]. Ed. by Novikov M.P. Moscow, 1983. 559 p.
3. Luparev G.P. Ponyatie i vidy religioznykh organizatsiy v SSSR [The Concept and Types of Religious Organizations in the Soviet Union]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 5, pp. 35–42.
4. Molodov O.B. O zaprete kolokol'nogo zvona v Arkhangel'skoy oblasti v 1950–1980-e gg. [The Ban on Bell Ringing in the Arkhangel'sk Region in the 1950s – 1980s]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, vol. 1, no. 3(40), pp. 18–21.
5. Entin A. Treshchina [The Split]. *Pravda Severa*, 1 February 1962.
6. *Pravoslavnaya entsiklopediya: Russkaya pravoslavnaya tserkov'* [Orthodox Encyclopedia: Russian Orthodox Church]. Ed. by Patriarch Alexy II. Moscow, 2000. 656 p.
7. Edel'shteyn G. Iz zapisok sovetskogo svyashchennika [From the Notes of a Soviet Priest]. *Na puti k svobode sovesti* [On the Way to the Freedom of Conscience]. Comp. by Furman D.E., Father Mark (Smirnov). Moscow, 1989, pp. 252–262.

Molodov Oleg Borisovich

Institute of Socio-Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

CLOSING OF ORTHODOX PARISHES IN THE EUROPEAN NORTH OF THE SOVIET UNION IN THE 1950s – 1980s

This article is devoted to the problem of legal regulation of deregistration of religious organizations in the Soviet Union and the practice of closing Orthodox parishes in the European North of the country in the 1950s – 1980s. During the period of state atheism, the policy of the authorities was to eradicate religious beliefs. Therefore, an important task for the local authorities and the atheistic public was the gradual reduction of the number of parishes. For this purpose, along with the legal mechanisms of closing the churches, they found any possible reasons to eliminate communities of believers. The article describes various ways of influencing the clergy and believers in order to weaken the financial situation and staffing of Orthodox parishes. Thus, along with open atheistic propaganda accompanied by the total control of the religious life of the population, the authorities applied special methods affecting the financial activity of religious organizations (regulation of prices for objects of worship, high taxes, fees for patriotic funds). The north of the country used to have a small number of parishes with large distances between them, so each closing made it impossible for the believers living in the area to regularly attend services. The study shows (based on the materials from state and church archives of the Arkhangel'sk and Vologda Regions) that the churches given to religious communities were often located in remote areas or, as in the Arkhangel'sk Region, were made of wood. All this made it extremely difficult to maintain the existing church buildings and preserve the parishes. In addition, there were objective demographic reasons for the declining reproduction of traditional religious beliefs in northern villages, which also contributed to the decay of parishes.

Keywords: *Russian Orthodox Church, parish life, Orthodox parish, religious community, religious organization, legal regulation.*

Контактная информация:

адрес: 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а;

e-mail: o_young8172@mail.ru